

Глава 8. Соседи

В доме Хэ едва рассвело, как А-Цяо наскоро съел миску рисовой каши, надел плащ от дождя, нахлобучил соломенную шляпу и погнал телегу на улицу за разными товарами, которые требовались поместью.

Да-цзеэр встала ещё раньше него и занималась приготовлением завтрака для всей семьи. Но каша ещё не успела как следует развариться, а А-Цяо уже не мог больше ждать и поспешил выйти из дома.

Следом поднялся Эр-гэр. В дождливую погоду похолодало, поэтому он накинул короткую курточку цвета разбавленной киновари, отороченную белым мехом. В ней он выглядел особенно нарядно. Не дожидаясь матери, он налил себе из котла миску каши и оставил её остывать, умылся, намазал лицо кремом, а когда вернулся, каша как раз стала пригодна для еды. Он встал возле очага и позавтракал, закусывая соленьями.

В дождливую погоду становилось всё холоднее, а сегодня в лавке наверняка будет много работы: люди спешили покупать хлопок и заказывать зимнюю одежду. Эр-гэр должен был прийти туда пораньше.

Последней в кухню, забко поёживаясь, вышла госпожа Сяо.

Сегодня она тоже уложила волосы в пучок и украсила его двумя шёлковыми цветами. После завтрака ей предстояло отправиться в деревню Хуансин, расположенную в нижней части города, чтобы посодействовать в устройстве брака.

Зимний дождь моросил без конца, погода стояла холодная. С возрастом человек уже не так легко переносит холод, поэтому во время еды она пробормотала Да-цзеэр, накрывавшей на стол:

— Вот бы за мной прислали паланкин. В такую холодную дождливую погоду...

У той семьи сын хромой, а больше приданого они давать не хотят. Полагаются на то, что у них мальчик, и держатся слишком высокомерно. Я уже шесть или семь раз туда-сюда ходила, а договориться всё никак не удаётся. Хорошо бы в этот раз всё получилось.

Затем она вздохнула:

— В наши дни людей стало больше, а подходящего жениха всё равно нелегко найти.

Гэров и девушек много, а мужчин всегда немного меньше.

— Хорошо ещё, что твой брак уже устроен. А вот с Эр-гэром и Сань-гэром я теперь только и знаю, что тревожусь.

Мать с дочерью ещё немного поговорили, после чего госпожа Сяо, взяв с собой зонт, который вчера одолжил ей Сюй Ань, вышла из дома. Зонт ей очень нравился — всё-таки вещь из префектурного города.

Да-цзеэр принялась убирать со стола и мыть посуду, затем собрала всю одежду в доме и отправилась стирать. Закончив с домашними делами, она собиралась заняться рукоделием.

Вышитые платки можно было отнести в лавку, где работал Эр-гэр, и обменять на несколько монет. Это помогло бы семье сводить концы с концами, а можно было оставить их себе — в любом случае, хоть какой-то дополнительный доход никогда не помешает.

В серой дождливой дымке на улице Санми Сюй Ань как раз вернулся домой с купленными вещами и принялся подсчитывать расходы. А А-Цяо, который с утра занимался делами на главной улице, уже погрузил товары на телегу, накрыл их водонепроницаемым полотном и, несмотря на холодный дождь, выехал из города в сторону поместья.

Поместье, где работал А-Цяо, называлось поместьем Цючанлинь. Оно было небольшим и располагалось в тридцати ли от города, на склоне горы.

Главным занятием там были продажа древесины и изготовление мебели. Кроме того, в поместье выращивали фруктовые деревья и пряности, а также разводили пчёл и добывали мёд.

Несколько лет назад в поместье набирали работников, но девушек и гэров не принимали. Сюо Сюэмэй долго уговаривала знакомую управляющую из поместья, просила оказать ей услугу, и в конце концов та согласилась принимать также гэров.

Изначально Эр-гэр хотел пойти туда работать, но в лавке тканей Сянлун он уже стал опытным работником. Обычно он был разговорчивым и умел ладить с людьми, поэтому хозяин лавки не хотел его отпускать. Он даже согласился повысить ему плату, и в итоге Эр-гэр так и не ушёл.

А-Цяо же отправился в поместье.

Прежде там не принимали девушек, а гэров брали лишь на тяжёлую, изнурительную работу, требующую физической силы. Приходилось таскать и переносить брёвна, заниматься пчёлами, собирать фрукты и пряности... Дел хватало самых разных.

Управляющий поместьем был строгим и обладал зорким глазом. Тех, кто плохо работал, ленился или пытался схитрить, он немедленно увольнял.

В те времена семье А-Цяо приходилось очень тяжело, и он не мог позволить себе потерять работу. Поэтому он изо всех сил трудился. Нескольких мужчин и гэров, поступивших в поместье вместе с ним, со временем уволили, а А-Цяо остался.

Он был готов учиться всему и брался за любую работу. Позже он научился управляться со скотом и править телегой, и даже многие мужчины-работники поместья не могли с ним сравниться.

Когда он только пришёл туда, А-Цяо был красивым, изящным и белокожим. Те, кого уволили, а также те, кто уступал ему в работе, не желали смириться с этим. Они совершенно не обращали внимания на то, что от солнца кожа А-Цяо уже потрескалась, а руки покрылись толстыми мозолями. Вместо этого они распускали слухи, будто он смог остаться лишь потому, что связался с управляющим.

Где есть люди, там не избежать пересудов.

В поместье нравы были именно такими. После болезни А-Цяо повредил горло и лишился голоса. А пережив столько всего — и дома, и в поместье, — даже когда голос восстановился, он уже не слишком любил разговаривать.

— А-Цяо! Ты вернулся!

Едва телега въехала в ворота поместья, как из сторожки выскочил маленький гэр примерно одного возраста с А-Цяо. Он сунул ему в ледяные руки грелку с горячей водой.

А-Цяо спрыгнул с телеги. В одной руке он держал грелку, а другой достал из-за пазухи два небольших пузатых фарфоровых горшочка.

— Моя старшая сестра и второй брат пользуются этим. У них не бывает обморожений, значит, средство должно помогать.

— Ой, да не поэтому я торопился, чтобы ты вернулся! — воскликнул Линь-гэр.

С этими словами он велел людям разгрузить товары с телеги и отнести их на нужные места, а затем потянул А-Цяо в комнату, где они жили.

В общей комнате на четверых сейчас никого не было: днём каждый находился на своей работе.

— Вчера ты отпросился и уехал домой, а в поместье произошло большое событие. Сверху прислали нового человека, и он уже прибыл к нам!

А-Цяо и прежде слышал, что должен приехать новый управляющий. Поместье Цючанлинь было лишь небольшим владением крупного хозяина. У него имелись и другие предприятия — в соседних уездах и даже в столице провинции. Уже давно ходили слухи, что дела в поместье идут плохо и начальство недовольно его доходами.

Два месяца назад пришло известие, что сюда, возможно, направят способного человека, чтобы тот помог перестроить и наладить торговлю.

А-Цяо полагал, что нового человека прислали специально для проверки счетов и наведения порядка.

Поместье Цючанлинь находилось далеко от начальства, и управляющие здесь пользовались этим. Почти у каждого из них втайне имелся добротный дом, а некоторые даже приобрели большие дома в уездном городе и перевезли туда семьи, чтобы те жили в достатке.

Если учитывать только жалование и ежегодные премии, накопить такое внушительное состояние, оставаясь честным и не присваивая чужого, было бы очень трудно.

— Об этом и так давно было известно.

Линь-гэр нахмурился:

— Изначально мы думали, что присланные сверху люди никак нас не коснутся. Мы каждый день много работаем, не ленимся и не брали из поместья ни единого медяка. Даже если начнут проверять счета, нам нечего бояться.

— Но ты не знаешь, какой размах у новой управляющей! — сказал Линь-гэр. — Она явилась с огромными амбициями и сразу привела с собой шестерых или семерых человек. А новый глава поместья привёл ещё больше десяти! Поместье у нас небольшое, на каждую работу и так хватает людей. Старый управляющий уже считал работников слишком многочисленными, а теперь пришло ещё столько народу. Все уже поговаривают о сокращениях!

Линь-гэр рассказал А-Цяо, что теперь в поместье все живут в страхе. Старые и новые силы открыто соперничали между собой.

Старый глава поместья и прежние управляющие не хотели увольнять людей. Они говорили, что это опытные работники, хорошо знающие своё дело, которых долго и тщательно обучали, поэтому нельзя просто так их сокращать.

На самом же деле, уволив одного человека, они лишились бы ещё одного подчинённого, который привык слушаться именно их. Поэтому они пытались заставить новых начальников сократить кого-нибудь из тех, кого те привели с собой.

Но новые глава поместья и управляющая тоже не соглашались. Они заявляли, что это люди, пользующиеся особым доверием начальства, проделавшие долгий путь — за восемь или даже десять тысяч ли, — и потому ни о каком возвращении назад не может быть и речи.

У каждой стороны были свои доводы и свои способы добиться желаемого. Поэтому борьба шла нешуточная.

— Если сокращения действительно коснутся меня, я даже не знаю, что делать, — мрачно сказал Линь-гэр. — После начала весны брат Динсинь отправится в префектурный город сдавать экзамены. А дорожные расходы и деньги на поездку мы как раз рассчитывали покрыть из моей месячной платы и годовой премии.

Он налил А-Цяо чашку горячей воды. Вчера, пока А-Цяо не было, Линь-гэр переживал из-за всего этого, но поговорить ему было не с кем. Ночью он ворочался с боку на бок и почти не спал.

Поместье располагалось на склоне горы, среди густых лесов. Когда шёл дождь, там он всегда был сильнее, чем в других местах, а температура — ниже. В городе зима только начиналась, но в поместье уже чувствовался холод, как в последний месяц года.

А-Цяо одним глотком выпил всю воду. После дороги, во время которой его продувал ветер, тело наконец немного согрелось.

Что могли сделать простые работники, не имеющие ни власти, ни влияния, когда начальство боролось между собой? Их дальнейшая судьба зависела всего лишь от одного слова вышестоящего человека.

А-Цяо похлопал Линь-гэра по руке:

— Переживаниями делу не поможешь. Пока что подождём и посмотрим, как всё будет развиваться.

Линь-гэр отозвался, но тревога из его сердца никуда не делась.

Затем он спросил А-Цяо, не было ли проблем с мебелью, которую тот отвёз домой. Он пожаловался, что управляющий Ляо был бессовестным человеком: часто делал из обрезков древесины табуреты и низкие столики и дарил их родственникам, а когда Цяо-гэр пришел что-нибудь купить, потребовал с него почти два гуаня.

После полудня дождь в городе прекратился, но небо всё ещё оставалось мрачным. Возможно, к вечеру дождь снова начнётся.

Сюй Ань обошёл несколько мест, купил глину и кирпичи для кладки очага и сам принялся его ремонтировать, перепачкавшись с головы до ног в грязи.

В это время с улицы прямо во двор въехала крытая повозка, запряжённая ослом, и остановилась возле дома Сюй Аня.

— Что это там так стучит? — С повозки первым спрыгнул молодой гэр. Следом изнутри вышел фулан, которому было уже за тридцать. Спускаясь, он опёрся на руку молодого гэра.

Услышав шум, он посмотрел в сторону дома Сюй:

— В соседнем доме кто-то поселился? Ворота-то распахнуты.

— Цюй-гэр, пойдём со мной, взглянем.

Молодой гэр поблагодарил возницу, после чего вместе со своим приёмным отцом, поваром Сюем, направился к соседнему дому.

Они осторожно подошли к воротам и заглянули внутрь.

Вот так новость! С того дня, как отец и сын переехали сюда, соседний дом всегда стоял закрытым. А теперь не только замок сняли — внутри уже успели всё привести в порядок.

Покрытую мхом и заросшую травой крышу переложили новой черепицей, а двор подмели дочиста.

Пока повар Сюй оглядывался по сторонам, взгляд Цюй-гэра вдруг остановился на Сюй Ане, который у края двора как раз складывал очаг.

Он не сводил с него глаз и слегка потянул приёмного отца за одежду:

— Папа, смотри.

Сюй Ань, занятый работой, услышал голоса. Подняв глаза, он увидел у ворот незнакомых мужчину постарше и молодого гэра. Он выпрямился и вежливо улыбнулся:

— Позвольте спросить, кто вы?

— А ты кто такой, молодой человек? Неужели хозяин этого дома? — повар Сюй не ответил на вопрос Сюй Аня, а сам задал встречный.

— Да, это я. Меня зовут Сюй Ань. Я вернулся издалека в родные края и теперь ремонтирую старый дом, чтобы здесь поселиться.

Услышав это, повар Сюй окинул Сюй Аня взглядом с головы до ног.

Молодой человек выглядел мягким, воспитанным и вежливым, совсем не похожим на грубияна. Узнав, что перед ним хозяин дома, повар Сюй почувствовал некоторое облегчение.

— Мы живём по соседству. Наша фамилия Сюй. Несколько дней назад мы уезжали в деревню, а вернулись только сегодня. Не знали, что здесь уже кто-то поселился.

Повар Сюй слышал кое-что об этом доме. Объяснив, кто они такие, он вовсе не хотел продолжать разговор с молодым соседом.

Он, повар Сюй, прекрасно готовил и был известен как в городе, так и в окрестных деревнях. Обычно люди относились к нему с почтением, а многие даже старались ему угодить. Поэтому

он был довольно горд и не собирался тратить время на долгую беседу с молодым человеком, который не смог устроиться в префектурном городе и был вынужден вернуться в родные места.

Поэтому он добавил:

— Раз уж теперь мы соседи, то ради спокойствия и согласия надеюсь, что впредь вы будете потише — и когда ремонтируете дом, и когда приглашаете гостей. Я человек уже немолодой, временами чувствую себя неважно и люблю тишину.

Сказав это, он потёр поясницу, позвал приёмного сына Цюй-гэра помочь ему и с видом совершенно измученного человека собрался возвращаться домой.

Впрочем, он не просто притворялся.

С наступлением зимы погода стала холодной, и всякий раз, когда шёл дождь, у него начинали болеть кости. Боль не была настолько сильной, чтобы он не мог двигаться, но из-за перемен погоды состояние постоянно ухудшалось, и это действительно изматывало.

Сюй Ань не рассердился на слова повара Сюя. Глядя, как отец и сын собираются уходить, он спокойно спросил:

— Сюй фулан, у вас, должно быть, ревматизм?

Повар Сюй замер, остановился и повернул голову к Сюй Ань:

— Откуда ты знаешь?

— Я заметил, что суставы на ваших пальцах немного увеличены, но при этом нет ни покраснения, ни выраженной припухлости. Вы привыкли держать пальцы слегка согнутыми, словно не можете полностью их распрямить. Судя по погоде, у вас уже могли появиться ноющие и тянущие боли в пояснице и ногах.

Повар Сюй подумал, что у этого молодого человека и правда острый глаз.

Но если у кого-то самого была подобная болезнь или ею страдал близкий человек, заметить её по таким симптомам не было чем-то удивительным.

Однако стоило заговорить о собственных недомоганиях, как он всё же стал немного разговорчивее:

— Ты знаешь кого-нибудь с такой же болезнью, как у меня?

Сюй Ань невозмутимо ответил:

— Я недостоин особой похвалы, но несколько лет учился врачеванию в префектурном городе.

Услышав, что Сюй Ань тоже владеет каким-то ремеслом, повар Сюй посмотрел на него с большим уважением. Правда, в городе и окрестностях хватало лекарей, но действительно искусных среди них было немного. К тому же Сюй Ань был ещё слишком молод.

— Я все время лечу эту болезнь у лекаря, — сказал повар Сюй. — Обычно я тщательно слежу за здоровьем, так что ничего серьёзного.

На словах он говорил спокойно, но на самом деле за последние два года болезнь заметно

усилилась. В дни, когда ему становилось плохо, он даже не мог как следует удержать кухонный нож. По ночам, лёжа в постели, чувствовал боль в пояснице. Из-за болезни ему пришлось отказаться от многих заказов.

Посторонние об этом не знали и считали его просто высокомерным человеком, который не желает браться за некоторые заказы. Даже старые клиенты сердились на него, не понимая, почему он позволяет другим забирать себе прибыль.

Сюй Ань спросил:

— Сюй фулан, какие лекарства вы обычно принимаете?

— Ма-хуан, цянхо, вэйлинсянь ... Я принимаю дорогие и хорошие лекарства, которые прописал лекарь, — с некоторой гордостью ответил повар Сюй. — Уже год или два их пью.

Обычная семья не могла позволить себе так долго покупать подобные лекарства.

Сюй Ань кивнул:

— Действительно, все эти средства хорошие и совсем не дешёвые.

— Но после их приёма вы чувствуете себя лучше? Не бывает ли у вас слабости и усталости?

Повар Сюй нахмурился. Сюй Ань попал прямо в больное место.

Поначалу, когда болезнь только обострялась, лекарства быстро помогали. Позже, при каждом новом приступе, он снова принимал их. Но чем дольше он пил эти средства, тем слабее становился эффект. К тому же тело постепенно ослабло.

— Я спрашивал у лекаря, — сказал повар Сюй. — Он объяснил, что с возрастом кровь и ци в костях уже не такие, как в молодости, а я ещё и постоянно много работаю. Поэтому слабость и усталость вполне естественны. Если долго принимать одно и то же лекарство, внутренние болезни постепенно привыкают к нему и вырабатывают сопротивление, так что оно уже не действует так хорошо, как прежде.

Сюй Ань подумал, что всё именно так и есть.

Он не стал говорить о том, хорош ли лекарь, которому тот так долго доверяет, или плох. Но, поскольку они были соседями, которые постоянно видятся друг с другом, он всё же решил дать один совет:

— Сюй фулан, если вы чувствуете, что прежние лекарства больше не помогают, попробуйте принимать дангуй и хуанци вместе с цянхо и фэнфэнем.

— Ма-хуан, цянхо и вэйлинсянь — лекарственные травы, которые выводят сырость и рассеивают холод. Но они обладают довольно мощным и резким действием. Организм женщин и гэров изначально более склонен к слабости и холоду. Если долго лечить тело такими сильными средствами, вначале эффект будет быстрым, но со временем организм не выдержит. Болезнь не только не отступит, но и станет ослаблять человека всё сильнее. Изначальный недуг, который давно засел в теле, тоже не удастся как следует устранить. Для природы женщин и гэров гораздо лучше подходит мягкое лечение с согреванием и поддержанием организма.

Повару Сюю слова молодого человека показались весьма глубокими. Неужели у этого юноши и правда есть настоящие способности?

Он совершенно изменил своё прежнее высокомерное выражение лица и приблизился к Сюй Ань:

— Сяо Сюй, я не запомню все эти травы. Не мог бы ты записать для меня рецепт? Я отнесу его в аптеку, куплю лекарства и попробую принимать.

Сюй Ань слегка улыбнулся.

<http://bllate.org/book/21538/2300271>